

ІСТОРИОГРАФІЧНА КЛАСИКА

УДК 94(47)821.161.1:930.1(477)«Костомаров»

Н.И.КОСТОМАРОВ

СКОТСКОЙ БУНТ. ПИСЬМО МАЛОРОССИЙСКОГО ПОМЕЩИКА К СВОЕМУ ПЕТЕРБУРГСКОМУ ПРИЯТЕЛЮ (До 200-річчя від дня народження М.І.Костомарова та 100-ліття першої публікації «Скотского бунта»)

***

У сатиричній фантазмагорії М.Костомарова представлено нещадну критику нігілістичних, авторитарних та антигуманістичних тенденцій російського революційного руху 1870-х рр. В алегоричних образах суспільних «тварин» показано неминучість виродження як тогочасних революційних практик, так і урядового управління, що ігнорують морально-етичні та гуманістичні засади людського буття. Притча М.Костомарова репрезентує моралістичне й гуманістичне переосмислення негативної реценції терористичних та авторитарних практик революціонерів в антинігілістичних романах 1860–1870-х рр. На відміну від антинігілістичних творів автор формулює, висуває й намагається відповісти на питання про ймовірний сценарій ближчого суспільного майбуття після досягнення революційної мрії. Сюжет фантазмагорії постає як своєрідна предтеча фабули знаної повісті-антиутопії «Скотоферма» («Колгосп тварин») англійського письменника Дж.Орвелла – відомого критика радянського тоталітаризму.

Ключові слова: Костомаров, Орвелл, нігілізм, антинігілістичні твори, російський революційний рух 1870-х рр., терористичні практики, гуманістична традиція, тоталітаризм, антиутопія.

Революційні мрії та ілюзії завжди живили уяву не тільки теоретиків-доктринерів, а й доволі широкої громадськості та навіть певної частини простого люду. Тим паче, коли взяти до уваги футуристичну зорієнтованість людської думки, позаяк мислителі й інтелектуали повсякчас апелювали до проєкцій кращого, ба навіть ідеального майбуття, зокрема продукували численні програми, візії, концепції, котрі з часом підхоплювалися передовими адептами. Здавалося, що впродовж років і десятиліть ці ідеї більш-менш мирно циркулювали в головах кабінетних мислителів та самодіяльних практиках гуртків відносно нечисленних прибічників.

Утім критична або переломна ситуація суспільно-політичного життя часто-густо блискавично реактуалізує та затребує старі-нові концепти. Такі періоди зазвичай бувають короткотривалими, швидкоплинними, позаяк проєційована мрія доволі швидко конфронтує з нещадними й потворними реаліями революційного, а особливо – після-революційного буття. Тож високі ідеали й цілі, принесені на вітвар революційної чи то пак суспільно-політичної доцільності зазнають тектонічних дифузій, а насправді суцільно вихолощуються, спотворюються та модифікуються в нестримному вирі кричущих, екстремістських практик. Щоправда, навіть у найгірші часи крайнього революційного засліплення та, як правило, дзеркальної урядової реакції траплялися інтелектуали, котрі прагнули представити такі руйнівні події з позицій етичної чесності й гуманістичної традиції суспільної думки.

1870-ті рр. розгорталися під знаком паліативної та сповільненої модернізації Російської імперії, зворотним виявом чого стала прискорена радикалізація революційного народництва. Масоване «ходіння в народ», навколо якого концентрувалися революційні практики середини 1870-х рр., доволі швидко заступили песимістичні настрої, котрі переростали в терористичні акти та заклики до повсюдного народного бунтарства. Зрештою країну накрила хвиля кривавих терористичних актів і збройних нападів на урядових сановників, чиновників, адміністраторів кінця 1870 – початку 1880-х рр., які увінчалися серією замахів на життя імператора Олександра II й, урешті-решт, його вбивством 1 березня 1881 р. Революційний терор на тлі каральних урядових репресій несподівано спричинив співчуття значної частини освіченої громадськості до екстремістських практик народників.

Така дивна рецепція значною мірою пояснювалася світоглядними й інтелектуальними колізіями російських інтелігентів пореформеної доби, в якій чільне місце здобули настрої суцільного негативізму та скептицизму. Останні значною мірою були пов'язані із завищеними надіями на прискорену трансформацію суспільства в добу після реформи 1861 р., яку пов'язували зі священною особою монарха-визволителя. Суцільне розчарування та культурний скептицизм були надто сильними, а часом набували радикальних, негативістських настроїв, які тотально заперечували позитивні й конструктивні, хоч і обмежені тенденції тодішньої суспільної модернізації.

Із легкої руки письменника І.Тургенева та публіциста М.Каткова, ця нав'язлива суспільна мода здобула метафоричне означення – нігілізм. Утім інтелектуальні та світоглядні зрушення, котрі означувалися як нігілістичні, були більш багатоманітними й складними, аніж звичайне заперечення. У широкому сенсі такі духовні колізії відображали масштабну культурну кризу російської громадськості. За великим рахунком, ішлося про заміщення, ба навіть руйнацію традиційних компонентів свідомості тодішніх освічених верств населення, котрі тією чи іншою мірою вважали себе причниками суспільних трансформацій.

Натомість витіснені архаїчні складові свідомості вірнопідданих імперії дедалі більше заповнювалися не творчими інтенціями та креативними потугами в річищі запізнілої модернізації, а нестримним скептицизмом і негативними очікуваннями. Цей вакуум довіри заступали матеріалістичні й атеїстичні експерименти, практики показового аскетизму чи, навпаки, нав'язливої буфонати, котрі досить швидко перекинули місток до радикальних революційних устремлінь. Низку таких метаморфоз було описано в антинігілістичних творах М.Лескова, В.Клюшнікова, О.Писемського та ін., а найбільше – у відомому романі «Біси» Ф.Достоевського, виданому на початку 1870-х рр.

Власне, «Біси» стали літературним осмисленням тогочасних метаморфоз, пов'язаних із народженням культу професійних революціонерів, що постав у формі так званої «нечаївщини» (від імені очільника нелегальної організації «Народна розправа» С.Нечаєва). Загалом «нечаївщина» репрезентувала, так би мовити, верхню точку нігілізму, позаяк убивство колишнього однопумця й, заразом, відступника від накинута світоглядного дороговказу розглядалося як логічний акт і навіть триумф революційної доцільності.

Та впродовж другої половини 1870-х рр. на шпальтах російських часописів про нігілізм, а тим більше про антинігілістську критику практично вже ніхто не згадував. Адже морально-етичні канони, котрі забезпечували певний рівень суспільної терпимості й вільнодумства, були зруйновані вщент шквалом революційного та урядового насилля, а політичні практики дедалі більше впроваджували руйнівну тезу – мета виправдовує все, передусім криваві акти й цинічні вчинки.

Звісно, ця «формула» побутувала у вигляді безлічі суспільних, культурних, психологічних проєкцій зі строкатою та динамічною палітрою відтінків, барв і відчуттів, як у революційному, так й урядовому таборах, і навіть у мовчазній більшості тодішніх «глядачів», що начебто залишалася на «нейтральному» полі. Але найголовніше те, що потужний виклик, кинутий суспільству на зламі 1870–1880-х рр., вимагав нагальних відповідей. Одну з таких нетривіальних і, на превеликий жаль, так і не почутих відповідей запропонував Микола Костомаров – інтелектуал, який жив і творив у координатах двох культурних світів, українського та російського.

У ті роки він переживав скрутні часи, точніше наближався до фінального періоду свого буття. 1875 р. померла мати М.Костомарова, котра опікувалася ним упродовж усього життя, а сам історик перехворів на тиф, і, водночас, як підозрював дехто з відомих лікарів, зазнав сильного «мозкового удару»¹. Тож на відміну від блискучого й енергійного петербурзького професора початку 1860-х рр., яким несамовито захоплювалася столична публіка, М.Костомаров середини 1870-х рр. являв собою немічного, кволого й досить капризного старця з підірваним до крайності здоров'ям. Тільки шлюб 9 травня 1875 р. з Аліною Кисіль (народженою Крагельською, за першим чоловіком Кисіль), яка за гіркою іронією долі була колишньою нареченою М.Костомарова напередодні його арешту у справі кирило-мефодіївських братчиків, потроху повернув історика до життя і творчих експериментів.

Припускають, що задум «Скотского бунта» поступово викристалізувався в уяві М.Костомарова під час щорічних відвідувань Дідівців (села за декілька верст від м. Прилуки Полтавської губернії), де була садиба першого чоловіка А.Костомарової². Видається, що саме контраст сільської пасторалі, котрий різюче дисонував зі страшними смислами, які проступали крізь рядки біжучої хроніки з найбільших міст імперії, сповненої повідомлень про нескінченні вибухи, постріли, замаху, урядові репресії та загальну інертність суспільних реакцій кінець-кінцем виплекали той сюжетний задум, який набув вигляду гострої сатиричної фантазмагорії.

Проте сам текст твору М.Костомаров накидав, коли відпочивав на дачі Морголіна в Павловську поблизу Санкт-Петербурга. За свідченням Д.Мордовця, це сталося влітку 1880 р. «У це літо, згадується, перебуваючи в більш жартівливому стані духу,

¹ Мордовцев Д. Исторические поминки по Н.И.Костомарове // Русская старина. – 1885. – №6. – С.631–633.

² Панченко В. Загадковий Костомаров про химерність соціальних ілюзій // День. – 2002. – 18 січня. – №10. – С.8.

Микола Іванович написав доволі злу сатиру – “Бунт зверей”, котра, однак, ніде не була надрукована, тому що *сатира ця – була двосічна і – стосовно багато чого – несправедлива*» (тут і далі у вступній статті курсив наш – О.Я.)³.

Цей відвертий коментар Д.Мордовця – близького товариша М.Костомарова від середини 1850-х рр., показовий, оскільки чудово ілюструє тогочасну рецепцію революційного терору, пронизану співчутливими мотивами. Та поза тим Д.Мордовець доволі добре змалював духовну й інтелектуальну атмосферу, в яких було написано притчу, зокрема згадав про тодішні дискусії з М.Костомаровим щодо творів В.Шекспіра, відгосок котрих віднаходимо у «Скотском бунте».

Незважаючи на критичне й навіть негативне ставлення Д.Мордовця до притчі М.Костомаров писав її не заради звичайного естетично-мистецького задоволення творчої уяви, або, як би сказали нині, «у шухляду». Навпаки, історик хотів і прагнув, щоби його почули/прочитали, урешті-решт сприйняли його текст-застереження. Тож він доклав поважних зусиль для публікації свого твору.

Восени 1880 – на початку 1881 рр. М.Костомаров звертався до видавців і редакторів із пропозицією публікації. Приміром, його фантазмагорія згадується в листуванні з редактором «Исторического вестника» С.Шубинським. Останній так прокоментував можливість друку згаданої притчі в листі від 2 жовтня 1880 р.:

«Я не настільки проникливий, щоби побачити зображення сучасних обставин у “Скотском бунте” – цьому, по суті, безневинному й дуже милому плоді Вашої фантазії. Але безперечно, що знайдеться дуже багато проникливих людей, які запідозрять у Вашому жарті щось навіть більше, аніж памфлет і, чого доброго, над Вашою головою вибухне, через дурниці, не страшна, але, проте, неприємна буря. В “Истор. вестник” “Скотской бунт” не підходить; але, якщо хочете, я запропоную його Суворіну для “Нового времени”. В останньому випадку, доведеться, проте, почекати відповіді з місяць, оскільки Суворін за кордоном і повернеться лише наприкінці жовтня»⁴.

Згодом С.Шубинський повідомив автора, що О.Суворін вагається стосовно публікації твору, але не хоче повертати рукопис⁵.

Узимку 1880–1881 рр. М.Костомаров намагався вмістити свою фантазмагорію в ілюстрованому політичному, літературно-художньому та ремісничому тижневику «Газета А.Гатцука», що видавався в Москві. Приятельські стосунки автора з редактором – О.Гатцуком – начебто давали підстави сподіватися на публікацію притчі, позаяк на шпальтах цього видання впродовж другої половини 1870-х і навіть у 1880 р. було видруковано ряд невеликих творів М.Костомарова.

Вочевидь історик, попри непростий психологічний і підупалий фізичний стан, доволі добре усвідомлював тодішні ризики, пов’язані з оприлюдненням цієї фантазмагорії. Тому в листі до редактора, написаному, правдоподібно, наприкінці грудня 1880 р., він навіть згадував про автора «Скотского бунта» як про третю особу, зокрема називав його своїм давнім псевдонімом – Богучаров. *«Богучаров кланяється Вам; він надіслав би вже з тиждень тому назад “Скотской бунт”, але ж Ви пишете,*

³ Мордовцев Д. Николай Иванович Костомаров в последние десять лет его жизни: 1875–1885 // Русская старина. – 1886. – №2. – С.326.

⁴ Гончар О. «Неизменно предан Вам...» (Листи С.М.Шубинського до М.І.Костомарова) // Історіографічні дослідження в Україні. – Вип.14. – К., 2004. – С.474.

⁵ Там само. – С.475.

що лікування забороняє Вам займатися [справами], то просив мене запитати Вас: надсилати одразу ж чи опісля»⁶. Імовірно, передчуваючи подальше погіршення ситуації в імперії, М.Костомаров у листі від 1 січня 1881 р. звертався до О.Гатцука з проханням пришвидшити публікацію. Причому авторський коментар був доволі своєрідним:

«відсилаю “Скотской бунт” І.Богучарова для друку. *І.Богучаров хотів би, щоби ця справа не тягнулася довго, тому що тоді втрачається ефект, а предмет не так багатий зав'язкою (фабулою – О.Я.), щоби зберігався інтерес навіть після перерви на тривалий час. Сподіваюся, що ця апологічна дрібниця може бути прочитана без нудьги. Не додавайте нічого алегоричного, як зробили деякі, прослуховуючи її: запевняю чесно, що автор ніякої алегорії не мав на увазі стосовно її сучасності, і місця»⁷.*

Мабуть, до того часу М.Костомаров уже вислухав низку застережних коментарів та оцінок, які висловили йому редактори й видавці. Тож він намагався представити текст сатиричної фантазмагорії О.Гатцуку як свого роду літературну дрібничку-небилицю, позбавлену алегоричних мотивів і прихованих смислів. Історик навіть згадав про її апологічність, вірогідно маючи на увазі надмірно загострений казковий характер, що мав спростувати нав'язливі аналогії з тодішньою суспільно-політичною ситуацією. Тим паче, що він добре пам'ятав тривалі цензурні митарства з оповіданням «Сорок лет: Народная малороссийская легенда», про які докладно розповідав редакторові згаданої газети в листі від 28 червня 1880 р.⁸

Видається, що редактор московського часопису був однозначно не у захваті від такої пропозиції автора, і не поспішав давати остаточну відповідь. Згодом трапився майже ідеальний привід відмовитися від публікації – царевбивство 1 березня 1881 р. Цей терористичний акт остаточно поховав надії М.Костомарова на публікацію притчі.

Таким чином, жоден із тодішніх редакторів і видавців, незважаючи на доволі розгалужені контакти й поважне реноме автора, так і не наважився опублікувати цей «плід фантазії», позаяк текст М.Костомарова продукував застережні й моралістичні конотації, до яких ніхто не хотів усерйоз дослухатися на теренах імперської Росії. Видається символічним той факт, що фантазмагорія історика була затребувана суспільно-політичною думкою й уперше опублікована лише катастрофічного 1917 р.

Зауважимо, що М.Костомаров був не єдиним тодішнім українським інтелектуалом, який намагався застерегти освічені верстви імперії від невпинного розмивання гуманістичних і морально-етичних засад суспільно-політичного життя. Терористичні акти революціонерів, зокрема вбивство імператора Олександра II, гостро та категорично засудив М.Драгоманов, який порівняв це з канібалізмом⁹.

⁶ Костомаров Н.И. – Гатцуку А.А. [грудень 1880 р., м. С.-Петербург] // Институт рукопису Національної бібліотеки України ім. В.І.Вернадського (далі – ІР НБУВ). – Ф.22. – Спр.33. – Арк.1. Див. також: Пінчук Ю.А. Микола Іванович Костомаров, 1817–1885. – К., 1992. – С.191.

⁷ Костомаров Н.И. – Гатцуку А.А. (1 января 1881 г.) // ІР НБУВ. – Ф.22. – Спр.21. – Арк.1.

⁸ Костомаров Н.И. – Гатцуку А.А. (28 июня 1880 г.) // Там само. – Спр.25. – Арк.1–1 зв.

⁹ Драгоманов М.П. Смерть Александра II // Собрание политических сочинений. С биографическим очерком и портретом автора / Предисл. ко второму тому Б.К. [Б.Кистьяковского]. – Т.2. – Paris, 1906. – С.342.

Сюжет «Скотского бунта» доволі простий, але розгорнутий у вигляді самобутньої стилізації. Оповідь М.Костомарова ведеться в епістолярному жанрі від імені малоросійського поміщика, котрий викладає неймовірні події й супутні враження своєму петербурзькому приятелю. З одного боку, до розповіді вводяться казенно-офіційні звороти, властиві чиновницькому середовищу. З іншого – вони органічно доповнюються особистими спостереженнями, поясненнями, коментарями й навіть емоційними зверненнями поміщика до столичного адресата, котрі подаються на тлі переказу почувань, промов, настроїв учасників дійства – домашніх, а насправді суспільних «тварин». Таким чином створюється ефект емпатичної присутності читача на стилізованій авансцені, що заповнюється динамічним і грізним тваринячим багатоголоссям руйнівного революційного дійства.

В одному з малоросійських помість поміж свійської худоби помічають революційне бродіння та наростаюче хвилювання. Із запальною промовою виступає старійшина скотного двору – бугай, який оповідає про несправедливість і слабкість влади хитрої людини-тирана над тваринами й закликає всіх до негайного повстання. Революційна ідея блискавично захоплює худобу й за першої нагоди спалахує руйнівний бунт. Тварини, очолювані провідником-бугаем та агітатором-жеребцем, штурмують помістя, святкують перемогу. Першими її плодами користуються свині, котрі спустошують квітник. Та без керівництва людини тварини не здатні забезпечити свій прожиток упродовж більш-менш тривалого часу. Тому вони поступово повертаються у стійла. Революція згасає сама собою. Влада людини повністю відновлена.

Попри позірну простоту фабули, фантазмагорія М.Костомарова містить чимало прихованих натяків і, водночас, виразно артикульованих смислів. Скажімо, постать мудреця Омелька – «знавця природи доморощеної худоби», котрий радить своєму панові перед загрозою цілковитої поразки оголосити про звільнення всіх тварин, що має їх розділити й пересварити між собою. Цей вигаданий персонаж постає як альясія щодо політики «м'якої» або «сердечної» диктатури тодішнього міністра внутрішніх справ Росії М.Лоріса-Мелікова, до речі, почесного члена Імператорської Санкт-Петербурзької академії наук. Останній був ініціатором комбінованих заходів для подолання «революційної крамоли», зокрема автором нереалізованого проекту поміркованої політичної реформи, відомої також як «конституція Лоріса-Мелікова».

Привертають увагу й низка конотацій, які простежуються в діалогах і монологах героїв фантазмагоричного дійства, котрі у світлі гуманістичних і морально-етичних настанов трактують тодішні практики революціонерів та урядової реакції. Деякі з них репрезентують авторський погляд на матеріалістичні й атеїстичні експерименти революційного народництва, як-от: «Це у вас, у людей, є якийсь Бог! Ми, худоба, ніякого Бога не знаємо! Тому ми вас, тиранів і лиходіїв, рогами заколемо!».

Натомість інші розумування М.Костомарова постають як очевидний докір щодо зверхнього й індіферентного ставлення урядових кіл до демократичних підоснов модернізаційних проектів низки європейських країн: «Ми, мешкаючи у хуторській глушині, не читаємо таких творів, чуємо тільки, що є вони десь в Європі; зате в нас віднайдуться такі мудреці, які ліпше за європейських учених ознайомилися зі способами, якими худоба виражає свої думки».

Та найважливішим видається те, що романтична уява історика-художника, сперта на інтуїтивний спосіб мислення, порівняно з його попередниками на ниві

антинігілістичної традиції російського письменства, сформулювала, висунула й запропонувала відповідь на питання про революційне, точніше післяреволюційне завтра... Фантасмагорія містила застережне та гуманістичне послання, адресоване освіченим верствам російського суспільства. Загальний смисл, продукований текстом М.Костомарова, зводився до досить несподіваної, але на той час нової рефлексії – суспільне майбуття може бути набагато гіршим, аніж його уявляють/проектують палкі революційні адепти чи зарозумілі й пихаті урядові адміністратори. Ба більше, М.Костомаров зі своєю тонкою та проникливою інтуїцією впритул наблизився до думки про те, як потворно й жахливо може виглядати втілена суспільна мрія, котра у ХХ ст. набуде страшних і гвалтовних обрисів «реалізованої утопії».

Із такої перспективи авторська фантасмагорія 1880 р. посідає місце оригінальної предтечі антиутопічних творів ХХ ст. Більше того, дехто з дослідників навіть розглядає притчу М.Костомарова як першу російську алегоричну антиутопію¹⁰. Недаремно сюжет «Скотского бунта» дивовижно нагадує фабулу антиутопічної повісті-казки «Скотоферма»¹¹ (в англломовному оригіналі – «Animal Farm»; за різними версіями перекладу – «Колгосп тварин», «Хутір тварин»¹², «Ферма “Рай для тварин”»¹³, «Скотохутір»¹⁴ та ін.), написаної наприкінці 1943 – на початку 1944 рр. англійським письменником і публіцистом, лівим інтелектуалом-соціалістом, учасником громадянської війни в Іспанії Дж.Орвеллом.

Отже на одній з англійських ферм старий кнур незадовго до своєї смерті звертається до худоби з промовою про злиденність і ницість життя під тяжким, нестерпним гнітом людини. Він закликає тварин готувати повстання. Революційна ідея захоплює й незабаром у відповідь на чергову жорстокість працівників ферми спалахує бунт, який очолюють дві свині – ідейні послідовники померлого кнура. Владу людини повалено. Натомість створюється нова твариняча спільнота, котра має існувати за моральним кодексом («сім заповідей анімалізму»), прописаним на стіні комори. Утім революційна диктатура, створена заради побудови суспільства тваринячої, себто соціальної, справедливості швидко перероджується в тоталітарний режим. Насуваються страшні будні, які нагадують катастрофічні соціальні експерименти найодіозніших режимів першої половини ХХ ст. Наскрізним рефреном у повісті Дж.Орвелла звучить стисла, але напрочуд точна теза – усі суспільні «тварини» рівні, проте деякі рівніші... У передмові до видання українського перекладу «Скотоферми» Дж.Орвелл так пояснив вибір сюжету та жанру свого твору:

«Невдовзі після повернення з Іспанії спало мені на гадку виступити проти радянського міфу, удаючись до казкової форми, доступної кожному читачеві і досить зручної для перекладу іншими мовами. Такі міркування, не зовсім виразні, приходили мені від певного часу в голову, коли одного дня (жив я тоді

¹⁰ Ланин Б. Русская литературная антиутопия. – Москва, 1993. – С.3.

¹¹ Орвелл Дж. Скотоферма / Пер. О.Дроздовського // Кестлер А. Ніч ополудні / Орвелл Дж. Скотоферма. – К., 1991. – С.190–271.

¹² Орвелл Дж. Хутір тварин / Пер. І.Дибко, передм. Р.Кухара. – Балтімор; Торонто, 1984. – 98 с.

¹³ Орвелл Дж. Ферма «Рай для тварин». Небилиця / Пер. з англ. Ю.Шевчука // Всесвіт. – 1991. – №1. – С.75–112.

¹⁴ Орвелл Дж. Скотохутір. Казка / Пер. із рос. Н.Околітенко // Вітчизна. – 1992. – №9. – С.38–72.

якраз у малому селі) я побачив, як малий, приблизно десятилітній хлопець, гнав вузькою доріжкою величезну тяглову коняку і лупцював її, як тільки вона хотіла звернути вбік. Мені майнула в голову, що коли б тільки ці тварини усвідомили свою міць, ми були б не в силі над ними панувати, а також, що людина визискує тварин майже так само, як багаті класи визискують пролетаріат. Продовжуючи прогулянку, я взявся *перекладати теорію Маркса на мову тваринячих понять. З тваринячого погляду, міркував я, класова боротьба між людьми – чиста омана: коли треба визискувати тварин – усі люди спільники між собою. Справжня боротьба йде між тваринами й людьми. Здобувши таку вихідну позицію неважко було побудувати казку*¹⁵.

Дж.Орвелл фактично продовжив фантазмагоричну проекцію М.Костомарова. Утім якщо останній зосереджувався на можливих/уявних наслідках здійснення революційної мрії з перспективи останніх десятиліть XIX ст., то конструкція першого вже спиралася на досягнення вповні матеріалізованих постреволюційних практик середини XX ст., передусім на обширах радянського тоталітарного режиму. Зауважимо, що попри таку нищівну критику радянської системи, Дж.Орвелл так і залишився щирим прихильником соціалістичної ідеї, точніше однієї з візій демократичного соціалізму.

Достеменно невідомо, чи знав Дж.Орвелл про сюжет притчі М.Костомарова. З огляду на те, що він ніколи не був у СРСР і не володів російською мовою, така можливість видається малоімовірною. Утім за часів Другої світової війни Дж.Орвелл працював у східній службі Бі-бі-сі, був редактором літературного відділу газети, згодом репортером в Європі, тобто на той час мав доволі широке коло контактів серед журналістів, митців, інтелектуалів. Серед його знайомих були й емігранти-росіяни, із-поміж яких часом називають Ґ.Струве – сина відомого політика та вченого П.Струве.

До речі, саме Ґ.Струве разом зі своєю дружиною М.Крігер 1949 р. переклали «Скотоферму» російською мовою¹⁶. Український переклад, виконаний І.Шевченком – майбутнім визначним візантологом, з'явився в мюнхенському виданні 1947 р.¹⁷ Хтось із кола цих осіб, вірогідно, міг переповісти Дж.Орвеллу фабулу фантазмагорії М.Костомарова, проте слід узяти до уваги, що на той час вона залишалася забутим твором.

Так чи інакше, саме хвиля перевидань «Скотоферми» Дж.Орвелла наприкінці 1980 – на початку 1990-х рр. у межах радянського та пострадянського культурного простору кінець-кінцем спричинилася до перевідкриття фантазмагорії М.Костомарова, нарешті повернувши її з полону забуття¹⁸.

¹⁵ Орвелл Дж. Передмова автора до українського видання / З англ. мови переклав І.Чернятинський [І.І.Шевченко] // Всесвіт. – 1991. – №1. – С.80–81.

¹⁶ Прибыловский В., Либ Д. Дж. О первом переводе [«Скотского хутора»] [Електронний ресурс]: http://www.orwell.ru/library/novels/Animal_Farm/russian/r_opp

¹⁷ Оруел Г. Колгосп тварин. Казка / З англ. мови переклав І.Чернятинський [І.І.Шевченко]. – Мюнхен, 1947. – 91 с.

¹⁸ Третьяков В. Джордж Оруэлл или Николай Костомаров? [Електронний ресурс]: http://www.orwell.ru/a_life/tretjakov/russian/r_gonk

***

Сатирична фантазмагорія М.Костомарова не вкладається у звичні жанрові та видові канони історичного письма, а тяжіє до царини літературних експериментів, принаймні на перший погляд. Утім притча, написана як гуманістичне застереження й, водночас, етично-моралізаторське повчання, адресоване сучасникам автора, безперечно відображає романтичну концепцію осягнення історичного часу, передусім темпоральний синкретизм – сполучення в одній конструкції минувшини, сучасності та проєктованого майбуття. Яскравий алегоричний зміст твору М.Костомарова генерує вповні очевидні й наскрізні соціальні смисли, котрі дають підставу розглядати його як пам'ятку суспільно-політичної та історичної думки.

Відтворюється мовою оригіналу за першою публікацією 1917 р.¹⁹ До тексту М.Костомарова долучено примітки історіографічного спрямування. Натомість вилучено пояснювальну примітку редакції журналу «Нива». Окремі друкарські огріхи виправлено без застережень.

**Доктор історичних наук, провідний науковий співробітник
Інституту історії України НАНУ О.В.Ясь**

***

У нас происходили необыкновенные события, до того необыкновенные, что, если б я не видал их собственными глазами, то ни за что не поверил бы, услышавши об них от кого бы то ни было, или прочитав где-нибудь. События совершенно невероятные. Бунт, восстание, революция!

Вы подумаете, что это какое-то неповиновение подчиненных или подначальных против своих властей. Точно так. Это бунт не то что подчиненных, а подневольных, только не людей, а скотов и домашних животных. Мы привыкли считать всех животных существами бессловесными, а потому и неразумными. Под углом человеческого воззрения оно кажется логичным: не умеют говорить, как мы говорим между собой, стало быть, и не думают и ничего не разумеют!

Но так ли это на самом деле? Мы не можем объясняться с ними и оттого считаем их неразумными и бессловесными, а на самом деле выходит, как пообсудим хорошенько, что мы сами не разумеем их языка. Ведь ученые доказывают, что название «немец» значит немой, и эта кличка дана славянами народам тевтонского племени оттого, что славяне не понимали речи этих народов. Точно то же произошло и здесь.

В последнее время наука начала открывать, что у животных, которых мы, по нашему легкомыслию, честим бессловесными и неразумными, есть свой способ передавать впечатления – свой собственный язык, не похожий на наш,

---

¹⁹ Костомаров Н. Скотской бунт (Письмо малороссийского помещика к своему петербургскому другу). Посмертный очерк Н.И.Костомарова // Нива. – 1917. – №34/37. – С.546–553. Передруки: То же // Завтра: Фантастический альманах. – Вып.3. – Москва, 1991. – С.116–124; То же // Костомаров Н.И. Скотской бунт: Сб. моногр. и исслед. – Москва, 2002. – С.5–26; То же. – Москва, 2014. – 26 с.

человеческий. Об этом уже писано было много. Мы, живучи в хуторской глуши²⁰, не читаем таких сочинений, слышим только, что есть они где-то в Европе; зато у нас найдутся такие мудрецы, которые получше европейских ученых ознакомились со способами, какими скоты выражают свои мысли.

И в нашем хуторе есть такой мудрец. Зовут его Омелько. Удивительный, я вам скажу, человек! Никаких книг он не читал, да и грамоте не учился, а знает в совершенстве языки и наречия всех домашних животных: и волов, и лошадей, и овец, и свиней, и даже кур и гусей! И как он, подумаете, мог этому всему научиться, когда ни у вас, ни у нас и нигде нет ни грамматик, ни словарей скотских наречий!

Все постиг Омелько, благодаря своим необычным способностям, без всяких руководств, вооружась единственно продолжительною, упорною наблюдательностью над скотскими нравами и бытом.

Омелько находится при скотах от малых ногтей, уже более сорока лет. Таких у нас в Малороссии немало, но никто не достиг и четверти тех познаний, какими обладает Омелько. Он до того усвоил язык скотов, что стóит только волу замычать, овце заблеять, свинье захрюкать, – и Омелько сейчас вам скажет, что животное хочет выразить. Этот единственный в своем роде знаток скотской природы ни за что не соглашается с теми, которые допускают в скотах присутствие умственных способностей только в слабой степени в сравнении с человеческими. Омелько уверяет, что скоты показывают ума не меньше, как человек, а иногда даже и больше. Сколько раз, бывало, замечал по этому поводу Омелько: «Поедешь ночью, дорогу плохо знаешь и собьешься, ищешь-ищешь, не находишь; тогда коню своему дай волю, он сам лучше найдет дорогу и привезет тебя, куда нужно».

И с волами такое бывает: пасут мальчишки волов, да заиграют или заспят, а волов растеряют; плачут потом, бедные, а волы – сами без пастухов домой прибредут. Один раз пономарь, приехавший из нашего прихода, что за семь верст, стал рассказывать про Валаама и его ослицу²¹, которую для удобопонятливости переименовал в кобылу. Омелько, слушая, сказал: «Нет ничего мудреного: значит, лошадиный язык понимал. Дело возможное. И мне бы, может быть, кобыла такое сказала». Много, очень много сообщал нам Омелько из своих многолетних опытов обращения со скотами разных пород, объясняя странное событие, о котором мы сейчас расскажем.

Еще с весны 1879 года у меня в имении между скотами разных наименований начали показываться признаки сопротивления и непокорства, возник дух какого-то революционного движения, направленного против власти человеческой, освещенной веками и преданиями.

По замечанию Омелька, первые симптомы такого направления появились у бугаев, которые везде с незапамятных времен отличались склонностью

²⁰ Натяк на відому «хутірську візію» чи «хутірську філософію» П.Куліша (див.: *Куліш П.А.* Хуторская философия и удаленная от света поэзия. – Санкт-Петербург, 1879. – [8], 305 с.).

²¹ Тут переспів відомого біблійного сюжету про мандрування месопотамського пророка Валаама на ослиці. Ідеться про епізод, коли його ослиця побачила застерігаючого янгола, незримого для Валаама, котрий тричі заступав їй шлях, і занорувилася, а потім на мить здобула дар мови, щоби попередити господаря про волю Бога.

к своеволию, почему нередко человек принужден был прибегать к строгим, иногда жестоким, мерам для их обуздания. У нас в имении был такой бугай, что его боялись пускать со стадом в поле, держали в постоянно запертом загоне, а когда водили на водопой, то не иначе, как с цепями на ногах и с деревянным зонтиком, устроенным над глазами, для того, чтобы не дать ему ничего видеть на пути перед собою; иначе он был так свиреп, что на каждого встречного бросится и поднимет его на рога ни за что ни про что. Несколько раз думал было я убить его, но каждый раз спасал ему жизнь Омелько, уверяя, что этот бугай обладает такими великими достоинствами, присущими его бычачьей натуре, что потерю его нелегко заменить будет другим бугаем.

По настоянию Омелька я решил оставить его в живых, но с тем, чтобы взяты были самые строгие меры предосторожности, чтоб этот буян не надеялся кому-нибудь непоправимой беды. Бывало, когда ведут его, то деревенские мальчишки, заслышавши еще издали его страшный рев, разбегались в разные стороны, чтоб не попасться навстречу свирепому животному. Все мы думали, что только скотская прыть и тоска от нескончаемой неволи делали его таким свирепым, но Омелько, руководствуясь своим знанием скотских наречий, подметил, что рев нашего бугая выражал нечто поважнее: агитацию к мятежу и неповиновению.

У бугаев, по соображениям Омелька, бывают такие качества, какие встречаются у некоторых особей из нашего брата-человека: у них какая-то постоянная неукротимая страсть волновать без всякой прямой цели, смута для смуты, мятеж для мятежа, драка для драки; спокойствие им приедается, от порядка их тошнит, им хочется, чтоб вокруг них все бурлило, все шумело; при этом их восхищает сознание, что все это надделано не кем другими, а ими. Таких существ можно найти, как мы сказали, между людьми; есть они и между скотами. Таким был и наш бугай, и от него-то, всескотного агитатора, пошло начало ужасного восстания, о котором идет речь. Стоя постоянно в своем загоне в грустном одиночестве, наш бугай ревел беспрестанно и днем, и ночью, и Омелько, великий знаток бычачьего языка, услышал в этом реве такие проклятия всему роду человеческому, каких не выдумал бы сам Шекспир для своего Тимона Афинского²²; когда же сходились ввечеру в загон с пастбищ волы и коровы, бугай заводил вечерние беседы со своим рогатым братством, и тут-то удалось ему посеять между товарищами по породе первые семена преступного вольнодумства. Омелько за свою долголетнюю службу возведен был в сан главноуправляющего всей скотской областью, и в его ведомстве были уже не только волы и коровы, но и овцы, и козы, и лошади, и свиньи. Само собой разумеется, что, на высоте своего министерского достоинства, при многочисленных и разнообразных занятиях, ему невозможно было быть часто близким свидетелем таких возмутительных бесед и потому тотчас

²² Ідеться про одну з найскладніших і найсуперечливіших п'єс В.Шекспіра – «Тімон Афі́нський». Твір продукує варіативні композиційні та стильові смисли. Прототип шекспірівського героя Тімон згадується у життєписах Плутарха, зокрема в біографіях Марка Антонія й Алквіада. У п'єсі В.Шекспіра Тімон представлений як класичний образ трагічного мізантропа, себто людиноненависника.

принять первоначальные предупредительные меры, – то была обязанность низших должностных лиц.

Но при глубоком знакомстве со скотской речью и со скотскими нравами Омельку было достаточно раза два – три зайти в загон, где помещался рогатый скот, чтобы по некоторым подмеченным чертам впоследствии, когда произошел взрыв мятежа, тотчас узнать, откуда истекал он в самом начале. К сожалению, замечу я, Омелько отличался чрезвычайной кротостью и мягкостью в системе управления и снисходительно относился к тому, против чего бы, как показали последствия, следовало тогда еще прибегнуть к самым крутым способам искоренения зла в самом зародыше. Не один раз до ушей Омелька, входившего на короткое время неожиданно в загон, долетали возмутительные выходки бугая, но Омелько смотрел на них, как на заблуждения молодости и неопытности. Речи же, произносимые бугаем на таких митингах, были в переводе на человеческий язык такого смысла:

«Братья-волы, сестры и жены-коровы! Почтенные скоты, достойные лучшей участи, чем та, которую вы несете по воле неведомой судьбы, отдавшей вас в рабство тирану-человеку! Долго, – так долго, что не нашей скотской памяти прикинуть, как долго, – пьете вы ушат бедствий и допить его до дна не можете!

Пользуясь превосходством своего ума перед нашим, коварный тиран поработил нас, малоумных, и довел до того, что мы потеряли достоинство живых существ и стали как бы немислящими орудиями для удовлетворения его прихотей. Доят люди наших матерей и жен, лишая молока наших малюток-телят, и чего-то не выдмывают они из нашего коровьего молока! А ведь это молоко – наше достояние, а не человеческое! Пусть бы люди, вместо наших коров, своих баб доили, так нет: свое, видно, им не так хорошо, наше, коровье, вкуснее! Но это бы еще ничего. Мы, скоты, народ добросердечный, дозволили бы себя доить, лишь бы чего хуже с нами не делали. Так нет же; посмотрите, куда деваются бедные телята. Положат бедняжек-малюток на воз, свяжут им ножки и везут! А куда их везут? На зарез везут бедненьких малюток, оторванных от материнских сосцев! Алчному тирану понравилось их мясо, да еще как! За лучшее себе кушанье он его считает! А со взрослыми братьями нашими что тиран выдмывает?

Вон, братия наша, благородные волы, неся на выях²³ своих тяжелое ярмо, волочат плуг и роют им землю: наш тиран бросает в изрытую воловьим трудом землю зерна, из тех зерен вырастает трава, а из той травы умеет наш тиран сделать такую вот глыбу, словно бы земля, только белее, и называет это наш тиран хлебом и пожирает его затем, что оно очень вкусно.

А наш брат-рогач пусть отважится забраться на ниву, вспаханную прежде его же собственным трудом, чтоб отведать вкусной травки, сейчас гонят нашего брата оттуда бичом, а не то и дубиной. А ведь по правде, так наше достояние – трава, что вырастает на той ниве, а не человека: ведь наша братия тащила плуг и землю взрывала; без того трава эта не выросла бы на ниве сама собой. Чья была работа – тот и пользуйся тем, что вышло из той работы.

²³ Шиях.

Следовало бы так: нас в плуг запрягли, нашим трудом вспахали ниву, так нам и отдай траву, что на той ниве посеяна, а коли так, что и ему, человеку, нужно взять себе за то зерно, что он бросал в изрытую нашим трудом землю, так уж по крайности так: половину отдай нам, а другую половину себе возьми. А он, жадный, все один себе забирает, нам же достаются от него одни побои. Но брат наш скот такой добросердечный народ, что и на то бы согласился. Так разве этим и кончается жестокость нашего тирана над взрослыми волами!

Случалось ли вам, братцы, пасясь в поле, видеть, как по столбовой дорожке гонят стадо нашего брата рогатого скота, либо овец. Стадо такое жирное, веселое, играет! Подумаете: сжалился тиран, раскаялся в своих злодеяниях над нашей породой. Откормил нашу братию и на волю пустил! Как бы не так! Глупое стадо играет и думает, что его и впрямь отпустили на волю, в широкую степь провожают. Узнает скоро оно, какая воля его ожидает! Тиран точно кормил его; все лето наш брат-скот гулял на степи в полном довольстве, а работой его не томили, но зачем это делалось? Отчего тиран стал к скотам так милостив? А вот зачем; спросите, куда теперь это стадо гонят, и узнаете, что злодей-хозяин продал свое стадо другому злодею человеческой породы, а тот гонит его в большие людские загоны, что зовутся у них городами. Как только пригонят туда стадо, так и поведут бедных скотов на бойню, и там старым волам будет такая же участь, как молодым телятам, да еще мучительнее. Знаете ли, братцы, что такое эта бойня, куда их пригонят? Холод пройдет по нашим скотским жилам, как вообразишь, что там делается, на этой бойне, и недаром наш брат-скот жалобно мычит, когда приближается к городу, где находится бойня. Привяжут несчастного вола к столбу, злодей подойдет к нему с топором, да в лоб его промеж рогов как ударит, – вол от страха и от боли заревет, поднимется на дыбы, а злодей его в другой раз ударит, да потом ножом по горлу; за первым волом второго, а там третьего; да так десяток, другой, целую сотню волов повалит; кровь бычачья льется потоками; потом начинают снимать с убитых шкуры, мясо рубят в куски и продают в своих лавках, а другие вола, которых также пригонят в город на смерть, идут мимо тех лавок и видят: висит мясо их товарищей, и чуется их бычачье сердце, что скоро и с ними самими то же станет! Из наших шкур тиран приготавливает себе обувь, чтоб ноги свои проклятые охранять, делает из тех же наших шкур разного вида мешки: куда вещей своих наложит и на воз взвалит, а в такой воз нашу же рогатую братию запряжет, да еще из наших же шкур вырезывает узкие полосы, бичи, и нас же лупит теми бичами, нашу шкурою; а иногда и один другого теми бичами из нашей шкуры они бьют! Тираны бессердечные! Не с нами одними они поступают таким образом; и промеж себя не лучше они расправляются! Один другого поработает, один другого грызет, мучит... Злая эта людская порода! Злее ее на свете нет. Всех зверей злее человек! И такому-то лютому, кровожадному зверю достались мы, скоты простодушные, в тяжелую невыносимую неволю! Не горькая ли, после этого, участь наша!

Но в самом ли деле нет нам выхода? В самом ли деле мы так слабы, что никогда и никак не можем освободиться из неволи? Разве у нас нет рогов? Мало

разве бывало случаев, когда наши братья-рогачи, в порыве справедливого негодования, распарывали рогами животы нашим утеснителям? Разве не случилось, что, как наш рогатый брат заденет ногой человека, так сразу ему ногу или руку перешибет? Бессильны мы, что ли? Но ведь наш злодей запрягает нашего рогатого брата именно тогда, когда нужно бывает перевозить большую тяжесть, какой самому человеку и не поднять.

Стало быть, наш тиран сам хорошо знает, что у нас много силы, побольше, чем у него самого. Угнетатель смел с нами только тогда, когда не ждет от нас сопротивления, когда же увидит, что наши ему не поддаются, то зовет других братий-людей, и эти прибегают к коварству над нами. Иногда все бычачье стадо не захочет повиноваться скотарю, он его гонит вправо, а оно хочет идти влево: тут скотарь покличет других скотарей, и обступят наших те скотари с одной стороны, а те с другой, а третьи спереди станут и пугают нашего брата и так поворачивают все стадо, куда хотят. Наши, по малоумию своему, того не смекнут, что, хоть и обступили их кругом скотари, а все-таки их менее, чем нашего брата в стаде: не покорились бы да, рогами напирая на скотарей, пошли бы, так и не сладили бы скотари со стадом, а то вот не смекнут, что им надобно делать и слушаются, и идут, куда их гонят, а сами только вздыхают, да и есть отчего вздыхать; нашему брату хотелось бы вкусной травки в роще покушать, да поиграть маленько по нашему нраву: рожками пободаться для забавы, об дерево потереться, а нас туда не пускают и гонят в такой выгон, где кроме низкого спорышу нечего пощипать, либо же в скучный загон загоняют жевать солому. Все это оттого, что мы человеку послушны и боимся показать ему свое скотское достоинство. Перестанем повиноваться тирану, заявим ему не одним только мычаньем, но дружным скаканием и боданием, что мы хотим, во что бы то ни стало, быть вольными скотами, а не трусливыми его рабами.

О, братья-волы и сестры-коровы! Мы долго были юны, незрелы! Но теперь иная пришла пора, иные наступили времена! Мы уже достаточно созрели, развились, поумнели! Пришел час сбросить с себя гнусное рабство и отомстить за всех предков наших, замученных работой, заморенных голодом и дурным кормом, павших под ударами бичей и под тягостью извоза, умерщвленных на бойнях и растерзанных на куски нашими мучителями. Ополчимся дружно и единорочно!

Не мы одни, рогатый скот, пойдем на человека: с нами заодно грянут на него и лошади, и козы, и овцы, и свиньи... Вся тварь домашняя, которую человек поработил, восстанет за свою свободу против общего тирана. Прекратим же все наши междоусобия, все несогласия, подающие к междоусобиям поводы, и будем каждую минуту помнить, что у всех нас один общий враг и утеснитель.

Добьемся равенства, вольности и независимости, возвратим себе ниспроверженное и попранное достоинство живых скотов, вернем те счастливые времена, когда скоты были еще свободны и не подпадали под жестокую власть человека. Пусть станет все так, как было в иное блаженное, давнее время: снова все поля, луга, пастбища, рощи и нивы – все будет наше, везде

будем иметь право пастись, брыкаться, бодаться, играть... Заживем в полной свободе и в совершенном довольстве. Да здравствует скотство! Да погибнет человечество!».

Эта возмутительная речь бугая возымела свое действие. После того в продолжение целого лета рогатые скоты разносили революционные идеи по загонам, пастбищам, выгонам, начались подъясенные, подзаборные, поддубравные совещания, толковали все о том, как и с чего открыть бунт против человека. Многие были такого убеждения, что нет ничего проще, как действовать поодиночке, колоть рогами то того, то другого скотаря, пока всех переведут, те же, которые были поотважнее, представляли, что лучше сразу уничтожить того, кто всем скотарям дает приказания, – самого господина заколоть. Но те из волов, которые хаживали под чумацкими обозами по дорогам и имели возможность расширить горизонт своего мировоззрения, подавали такую мысль: «Что из того, если мы заколем тирана? Его не станет, другой на его место отыщется. Если уж предпринимать великое дело освобождения скотства, то надобно делать прочно, совершить коренное преобразование скотского общества, выработать нашим скотским умом такие основы, на которых бы навсегда утвердилось его благосостояние. Да и можем ли мы, рогатые скоты, одни все устраивать для всех! Нет! Нет! Это дело не наше исключительное, но разом и других скотских пород, находящихся у человека в порабощении. И лошади, и козы, и овцы, и свиньи, и, пожалуй, еще вся домашняя птица, все должны подняться на общего тирана и, низвергнувши с себя гнусное рабство, на общем всескотном собрании устроить новый вольный союз».

Такие бычачьи предначинания перешли к лошадям, которые, составляя табун, паслись на одном поле с рогатым скотом. И в их ржущее общество проник дух мятежа. По сведениям, сообщенным Омельком, лошадиный язык совершенно отличен от бычачьего, но совместное жительство установило точки сближения двух пород. Между лошадьми распространилось знание языка бычачьего, а между волами – лошадиного. Что в бычачьей породе значил бугай, то между лошадьми во всех отношениях значили жеребцы.

Жеребцы были народ буйный, задорный, наклонный ко всякого рода своевольствам, самой природой, можно сказать, предназначенный к роли агитаторской. В моем имении в конском табуне был рыжий жеребец, большой забияка. Бывало, когда его ведут, то не иначе, как спутают ему ноги, и двое табунщиков держат его за поводья. Пытались его один раз запрячь в оглобли и погнать по дороге с телегой, но он тотчас самовольно свернул в сторону, вскочил передними ногами на первую попавшуюся ему на глаза хату и заржал во всю глотку. Другой раз приехали ко мне гости; я приказал привести его напоказ вместе с другими красивейшими лошадьми; он двух меринов ни с того, ни с сего покусал, третьего копытами задел, а когда меринны стали давать ему сдачи, то поднялся такой кавардак, что я приказал поскорее разнять их и угнать прочь.

Такой проказник! Но, как ни бивал он в игрушках свою братию, а между лошадьми пользовался большим уважением, и все были готовы слушаться

его во всем. В нравах лошадиной породы драчливость не считается пороком, напротив, дает право на уважение и внимание: ни дать ни взять, как бывало когда-то у варягов. Вот этот-то рыжий агитатор стал возмущать лошадей против человеческого господства:

«Довольно терпеть от человеческого тиранства! – вопил он. – Двуногий злодей поработил нас, от века вольных четвероногих тварей, и держит наши поколения в ужаснейшей неволе! Чего ни делает он с нами! Как ни надругается над нами! Седлает нас, ездит на наших спинах верхом и предаёт нас на погибель своим врагам! Знаете ли, что называется у людей кавалерией? Те кони, что взяты были в их кавалерию, рассказывают ужасы о том, что там творится с нашим братом! Дыбом гривы становятся, когда слушаешь их рассказы!

Усядутся на нашего брата верхом люди и несутся одни на других, хотят убивать друг друга, да нас убивают. Не жалко нас их беспощадному, суровому сердцу! Сколько тут проливается благородной конской крови! Какие ужасающие зрелища открываются тогда! Иной несчастный конь, потерявши одну ногу, скачет вслед за другими на трех ногах, истекая кровью, пока не упадет без чувств; другой, потеряв разом две ноги, ползает, напрасно силясь стать на остальных двух; третий пробит в грудь, валяется и желает себе смерти, у четвертого глаза выбиты, у пятого голова разрублена... Грудами навалены конские трупы вместе с человеческими!

И за что это? Мы, бедные, разве знаем, за что так они дерутся между собой? Их это дело, а не наше. Коли не поладили между собой, ну и дрались бы, грызлись бы между собой, резали бы друг друга. Ведь когда мы между собой поссоримся, сами грыземся, кусаемся, брыкаемся, а их не зовем, не путаем в наши ссоры! Зачем же они, перессорившись между собой, гонят нас на лютую смерть?

Не спрашивают они коней: хотят ли они идти с ними на войну, а оседлают, посадят на них и едут воевать; о том не подумают, что, быть может, нашему брату вовсе нет никакой охоты умирать, и знаячи, за что умирают. Да и без войны, мало ли как утесняет нас человек, как ругается над нами! Накладет в свои повозки или в сани всякой тяжести, запряжет нашего брата и заставляет тащить, а сам, погоняя, лупит его немилосердно бичами и по спине, и по голове, и по чему попало, без малейшей жалости, пока до смерти забьет: случается, бедная лошадь тут и дух испустит; а иные от непомерной тягости надорвутся, ноги себе изломают, бессердечный тиран покинет их издыхать, а сам других коней запряжет на ту же муку. Ах, братцы! Жесток человек, но и лукав: не обольщайтесь его коварством. Прикидывается человек, будто любит нас, расхваливает нас перед другими людьми. Не верьте ему. Не прельщайтесь и тем, что он будто заботится о приращении нашей породы, собирает табун кобыл, припускает к ним жеребцов... Для себя он это делает, а не для нас: хочет, чтоб наша порода плодила и доставляла ему невольников. Одних из нас он оставляет для приплоду, зато других, и в гораздо большем числе, варварски уродует, лишает возможности оставлять потомство и осуждает их на вечный невольный труд и всякого рода муки.

Деспот развращает нашу благородную породу, хочет, чтоб и между нами был такой общественный строй, как между людьми, что одни блаженствуют, а другие страдают.

Одних из нашего брата он досыта кормит овсом и сеном; их работой не томят, если и запрягут или оседлают, то на короткое время, жалеют их и на отдых посылают; стоят себе в конюшнях да овесец кушают вволю, а как выпустят их погулять, то играют, скачут, веселятся, иные же и в стойла не ставятся; гуляют себе в поле с кобылами на полной свободе в раздолье, зато другие, всегда впроголодь, изнемогают от беспрестанной гоньбы и тягостной возки, никакой награды себе не ожидая за труды свои, кроме ударов бичами!

Братцы! Разве у вас нет копыт и зубов? Разве не умеете брыкаться и кусаться? Или бессильны вы стали? Но посмотрите: как часто тиран больно платится за свою наглость, когда нападает на такого ретивого коня, который, в порыве сознания своего конского благородства, вырвется так, что четверо злодеев не могут удержать его, а коли хвастливый и дерзкий деспот отважится вскочить ему на спину, он сбросит его под себя, да еще иногда и ногами притопчет, так что наглец после того несколько дней лежит больным!

Деспот считает нас до того глупыми и рабски покорными, что не боится сам давать нашему брату оружие против себя. Вздумал же он вколачивать гвозди нам в копыта! Подкованные лошади! Обратите на тирана его же данное вам оружие: поражайте его подковами! А вы, неподкованные, докажите ему, что и без подков копыта ваши настолько крепки и увесисты, что вы можете ими показать свое превосходство пред человеком! И подкованные и неподкованные, дружно и единокопытно восстаньте на лютого врага.

Кроме копыт, пустите в дело и ваши зубы. Ими также можете причинить немало вреда нашему поработителю! Идемте добывать себе свободы! Будет вам вечная слава от всех грядущих лошадиных поколений на многие века. Да не только от лошадиного рода, а и от прочих скотов будет вам слава: все пойдут разом с нами! Весь посеянный человеком овес будет наш на корню, со всей травой. Никто не посмеет нас выгонять оттуда, как прежде делалось. Не станут уже нас более ни запрягать, ни седлать, ни подгонять бичами. Вольность! Вольность! В бой, братцы! За общую свободу всех скотов, за честь лошадиного племени».

От таких речей раздалось буйное ржание, мятежные взвизги, громоподобный топот, метание ног на воздух и обычные звуки, сопровождающие конскую удаль.

«На человека! На человека! На лютого тирана! Лягать его! Бить его! Кусать его!».

Такие возгласы слышались из табуна тому, кто был в состоянии понимать конский язык. Рогатый скот с восторгом увидел, что восстание, вспыхнувшее сначала в его среде, перешло уже к лошадиной породе. Волы и коровы отважно забодали рогами и все воинственно замычали. И рогатые, и копытчатые двумя ополчениями двинулись по направлению к усадьбе.

Вправо от табуна, на другом взгорье, отделяемом оврагом от того, на котором паслись лошади, бродили козы и овцы. Увидя смятение в стаде рогатого скота и в табуне, и те заволновались, и всем своим стадом стали порываться к волам и лошадям. Но им приходилось перепрыгивать через овраг, который был не широк, или обходить его. Козлы считали себя как бы самой природой предназначенными ходить во главе стада; замекекавши, бросились они к оврагу и с козлиной живостью перепрыгнули через него, гордо поднявши головы и трясая бородами, ожидали как будто одобрения своему ухарству. За ними козы также легко перепрыгнули через овраг. Но овцы оказались не так ловкими. Некоторые, правда, последовавши за козами, очутились на другой стороне оврага, но многие попадали в овраг, ползали по дну его, карабкаясь друг по дружке, и жалобно блеяли. Это не удержало задних последовать их примеру. Они бежали по направлению, указанному передними, и очутились также в глубине оврага. Перешедшие через овраг сами не знали, что им теперь делать, и толпились в кучку, испуская какое-то глупо-демократическое блеяние.

Бараны метались из стороны в сторону, наталкиваясь лбами один на другого.

Такое смятение между скотами разных пород увидели свиньи, двигавшиеся с противоположной стороны по дороге, ведущей из поля в село. Сразу обуял их революционный дух, вероятно, проникший в свинское общество заранее. Кабаны, вырывая землю клыками, забегали вперед и повернули по дороге, ведущей прямо к господской усадьбе, а за кабанами все хрюкающее стадо побежало по той же дороге и подняло такую пыль, что за ней нельзя было видеть солнца.

Омелько, увидавши тревогу между скотами, бросился по дороге, по которой бежали свиньи, и думал с них начать укрощение мятежников. Разумея хрюкающую речь, Омелько услышал, что кабаны возбуждали прочих свиней не отставать от иных скотов, восставших против невыносимой власти человека.

До ушей Омелька доходили возбудительные припоминания о засмоленных к рождественскому празднику кабанах, о щетинах, вырванных из спин живых свиней, о заколотых в разные времена поросятах. Толстая свинья хрюкала об оскорблениях, которые наносит человек свинской породе, обзывая свинством то, что ему кажется противным. Другая свинья, бежавшая с нею рядом, отвечала: «Это еще ничего, а хуже то, что человек, презирая свиней и ругаясь над их свойствами, колет их на сало, приготавливает из свиного мяса окорока и колбасы. Мясо и сало наше тиранам по вкусу приходятся. Живую свинью они хуже всякой иной твари считают, а зарезанной свинье честь пуще, чем другим, воздают, как будто в поругание над нашим свиным родом».

Так, бегучи по дороге к господской усадьбе, хрюкали свиньи, возбуждая одна в другой ненависть к человеку.

«С чего будем начинать?», – спрашивали они друг у друга, когда уже до господской усадьбы оставалось недалеко.

«Наше дело – землю рыть, – отвечали другие. – Повалим прямо в господский сад; там у господ есть огородные овощи. Все грядки изроем. Потом ворвемся в господский цветник, что господа устроили около хором себе на утеху: все там кверху дном перевернем, по-свински! Пусть у людей надолго останется об этом саде и цветнике память, что там свиньи побывали!».

Омелько, несколько минут бежавший рядом со свиньями, все еще не теряя надежды удержать их набег и завернуть свинское стадо назад, решительно отказался от своего намерения после того, как один из кабанов грозил заколоть его клыками. Омелько сам свернул с дороги и побежал по прямому направлению к усадьбе полем.

Как только Омелько явился в господском дворе и принес туда весть о всеобщем поголовном восстании скотов, я с двумя своими сыновьями отправился на вышку, построенную на здании господского дома, и смотрел в зрительную трубу. Сначала взбунтовавшиеся скоты, устремлявшиеся к усадьбе, мне показались тучей, потом полчища их стали обозначаться яснее. В мою зрительную трубу увидел я, как лошади, бегучи, по временам брыкали, а быки выпучивали вперед свои рогатые головы. И те, и другие, как видно, тешились в воображении, как они будут нас лягать и бодать.

Уже те и другие были недалеко от усадьбы. Овцы с козами стояли у оврага, как бы в раздумье, что им делать, и только блеяли и мекекали. Сбежавши с вышки в дом, я мимоходом глянул в окно, выходящее в сад, и увидел, что свиньи уже вторгнулись туда через то место, где деревянный забор, ограждавший сад, был разрушен и оставался неисправленным. Одни с неистовством опустошали грядки с картофелем, репой, морковью и другими овощами, и жадно пожирали коренья, другие, опередивши остальных, ворвались уже в цветник, расположенный под самой стеной господского дома, где находились окна, через которые я смотрел: я видел, как нахальные свиньи своими рылами вывертывали из земли розы, лилии и пионы.

Я побежал в комнату, где у меня хранилось оружие, взял для себя и для своих двух сыновей по ружью, кроме того, роздал по ружью каждому из прислуги и вышел на крыльцо, обращенное к дворовым воротам. Я приказал запереть ворота и калитки, ведущие во двор с наружной стороны. Самое слабое у нас место было в саду, куда уже прошли свиньи, и опасно казалось, чтоб и прочие скоты не устремились туда же, но нам подавало последнюю надежду, что, если б им удалось овладеть садом, то в нашем владении оставался еще двор, куда из сада проникнуть неприятелю было невозможно иначе, как разве обративши в развалины здание господского дома, отделявшее двор от сада.

Входя в дом за ружьями, я дал приказание одному служителю съездить верхом за город, отстоявший от нашего города на пятнадцать верст, и просить исправника распорядиться о присылке воинской силы для укрощения мятежа. Мера эта не удалась. Едва мой посыльный, взявши верхового коня, выехал за ворота, как этот конь сбросил с себя своего седока и убежал к мятежным лошадям.

У меня было немало собак. Я иногда ездил на охоту. Собаки, как и следовало было ожидать, судя по состоявшейся об их породе репутации, не показывали ни малейшей склонности пристать к мятежу. На них мы положились. Но их надобно было разделить на два отряда: один отправить в сад, чтобы, если можно будет, выгнать оттуда свиней, другой – поставить стеречь вход в ворота и отбивать напор скотов, если бы те стали овладевать этим входом. Ограда около двора была кирпичная, но не высокая.

Лошади, поднимаясь на дыбы, уже зацепляли передними ногами окраину ограды и показывали нам через нее свои злобные морды, но не в силах были перепрыгнуть через ограду.

На крыльцо ко мне прибежала женщина с новым угрожающим известием. На птичьем дворе вспыхнул бунт. Первые поднялись гуси. Кто знает, какими путями проник к ним на птичий двор мятежный дух, уже охвативший четвероногих домашних животных, только гуси своим змееподобным шипением обличили злой умысел – ущипнуть птичницу. Едва та успела шагнуть к воротам птичьего двора, как послышалось либеральничающее кахтанье уток, которые при этом с таким нахальным видом переваливались с боку на бок, как будто хотели сказать: «Да нам теперь и человек нипочем!». За ними индюки, распутивши надменно хвосты свои, собирали вокруг себя индеек и разом с ними загорланили таким диким криком, как будто хотели им кого-то испугать.

Большой петух огненного цвета подал своим крикливым голосом возмущительный сигнал, вслед за ним закукарекали другие петухи, закудахтали куры, и все курное общество начало подлетывать, то усаживаясь на жердях хлева, то слетая оттуда на землю.

Омелько, заглянувши в куриный хлев, услышал, что куры, подняв крыло восстания, грозят клевать людей в отмщение за всех зарезанных поваром кур и цыплят, за все отнятые у наседок яйца.

Получивши такое известие, мы недолго оставались на крыльце. Я заметил, что мы стали слишком низко, и что нам надлежало бы избрать другую, более возвышенную позицию. Оглядывая кругом наш двор, я сообразил, что на всем его пространстве нет выше пункта, как деревянная башня, служившая голубятней, и мы, сошедши с домового крыльца, направили к ней шаги свои, решаясь взойти на ее высоты и там отбиваться до тех пор, пока нас или не достанут оттуда и не растерзают взбунтовавшиеся животные, или пока нас не избавит от гибели какой-нибудь непредвиденный случай. Но на пути к голубятне встретило нас неожиданное явление: четыре кота сидело вместе на земле: двое из них были из господского дома и один, претолстый котиче белой масти с большими черными пятнами на спине и на брюхе, любимец женской прислуги, большой мышьядец, приобретший себе громкую славу во всем дворе победами над огромными крысами.

Этот кот, всегда ласковый, приветливый, всегда нежно около человека мурлычущий и трущщийся, теперь, ни с сего ни с того, сидя посреди двора с другими котами, устремил на нас такие зловещие взоры, что, казалось, готовился броситься нам в лицо с выпущенными когтями.

Собаки не внушали нам подозрений в измене, но о кошачьей породе издавна сложились иные мнения.

Так вот и казалось, что этот домашний наш кот, в критическую для нас минуту опасности от врагов, сыграет с нами такую роль, какую когда-то сыграл Мазепа с Петром Великим²⁴. Мы невольно остановились, увидя перед собой кошачью группу, но мой меньший сын, не думая долго, свистнул на собак и, указавши им на котов, крикнул: «Ату их!». Собаки бросились на котов, а те в испуге бросились в разные стороны. Я видел, как толстый пестрый кот полез по одному столбу из поддерживающих крыльцо дома и, уцепившись когтями за стенку столба, оборачивал голову назад и глядел угрожающими глазами на собаку, хотевшую достать его, испуская вместе с тем звуки, свойственные кошачьей породе в минуты гнева и раздражения.

Дошли мы до голубятни, стали всходить наверх по узкой лестнице; тут стали на нас налетать голуби, как будто намеревались нас задеть крыльями и клюнуть клювом. Мы стали от них отмахиваться, подозревая, что и эти птицы, кроткие и нежные, какими привыкли мы их считать, также увлеклись мятежным духом, овладевавшим все и четвероногое, и двуногое царство подвластных человеку животных; и они, казалось нам, вспомнили те горькие для них минуты, когда к ним на голубятню появлялся повар с своим убийственным ножом искать голубят на жаркое.

У вас в великороссийских губерниях голубей не едят, и если бы там у вас произошел такой бунт домашних тварей против человека, то вы бы со стороны голубей были совершенно застрахованы от всякой опасности. Впрочем, и у нас, в описываемые минуты, голуби не показали продолжительной вражды к человеку. Мой меньшой сын выстрелил из пистолета, и голуби разлетелись. Тогда мы беспрепятственно заняли высоты голубятни и смотрели оттуда на огромное полчище рогатого скота и лошадей, облежавшее нашу усадьбу. От рева, визга и ржанья во дворе невозможно было ни говорить, ни слушать.

Омелько, выбежавши из птичьего двора, метался по двору, как угорелый; видно было, что и он, как все мы, потерял голову. Я позвал его на голубятню и сказал:

«Ты один знаешь скотский язык и умеешь с ними объясняться. Конечно, за двор я тебя не пошлю, потому что, чуть только ты высунешь голову со двора, как тебя заколет какой-нибудь бык, или закусает кобыла, а потом они ворвутся в ворота, и всем нам капут придет. А вот что: нельзя ли тебе взлезть на ограду и оттуда уговаривать бунтовщиков. Попытайся!».

Омелько отправился исполнять поручение. Мы с напряженным вниманием следили за его движениями, видели, как, подставивши лестницу, он взобрался на ограду, но не могли расслышать, на каком языке он обращался к мятежникам. Мычал ли он, ржал ли, не знаем. Но услышали мы за оградой ужаснейший шум и увидели, как Омелько, соскочивши с ограды, шел к нам и махал руками, как делают тогда, когда хотят показать, что задуманное не удастся.

²⁴ Див.: *Костомаров Н.И.* Мазепа. – Москва, 1882. – С.348–354.

«Ничего, барин, не подделаем с разбойниками! – сказал он, пришедши к нам на голубятню. – Я их стал было усовещевать; я им говорил, что сам Бог сотворил их на то, чтоб служили человеку, а человек был бы их господином! Но они все заорали: “Какой такой Бог! Это у вас, у людей, какой-то есть Бог! Мы, скоты, никакого Бога не знаем! Вот мы вас, тиранов и злодеев, рогами забодаем!” – крикнули рогатые. “Копытами залагаем!” – произнесли лошади. “Зубами загрызем!” – закричали разом и те, и другие».

«Что ж нам теперь делать, Омелько? – спрашивал я в невыразимой тревоге».

«Одно средство осталось, – сказал Омелько. – Сказать им, что отпускаем на волю всех: и волов, и коров, и лошадей! Идите, мол, себе в поле, паситесь, как знаете, можете съесть все, посеянное на нивах. Вас-де не станем приневоливать ни к каким работам, ступайте!»

Так они, обрадовавшись, разойдутся по полям, а с овцами, свиньями и с птицей мы как-нибудь сладим.

Нам бы только вот этих рогатых да копытчатых спровадить: они только нам опасны, потому что сильны! А как пойдут в поле, так недолго натешатся: сами же меж собой передерутся, перегрызутся, а хоть и поля потолкут, так ведь не многие, уже бóльшая часть хлеба убрана, остальное же хоть и пропадет, да зато мы все останемся целы и живы. Жалче всего только сена в стогах. Они его, разбойники, все истребят!

Сами же скоты не будут знать, что им с собой делать, и тогда можно будет найти способы, как их подобрать снова под власть нашу. Самый долгий срок их воле будет, если будут бродить в полях до заморозков, а уже когда в поле ничего расти не будет, тогда и сами к нам придут! А ведь до осени уж не так далеко!».

Я разрешил Омельку поступить так, как он замыслил. Он снова полез на ограду, и мы еще с бóльшим вниманием, чем прежде, следили за его движениями. Спустя несколько минут все осаждавшее двор полчище скотов стремглав бросилось с ревом и ржаньем в поле. Лошади и волы прыгали, видно было, что это делается от радости.

Омелько слез с ограды, пришел к нам и говорил:

«Избавились, слава Тебе, Господи! Удалось-таки спровадить лошадей и рогатый скот. Пустите всех собак в сад на свиней, а вся дворня пусть идет усмирять птицу, я же потом пойду усмирю коз и овец».

«Как это ты спровадил рогачей и копытников?», – спрашивал я у Омелька.

«А вот как, – объяснял Омелько. – “Чего вам нужно, – спросил я их, – скажите прямо. Может быть, мы вам все сделаем, чего вы захотите”. – “Воли! Воли!”, – закричали разом и рогатые и копытчатые. А я им сказал: “Ну что ж? Идите на волю! Ступайте в поле, потолките все хлеба, что остались еще на корню. Мы вас уже не станем употреблять ни на какие работы. Вольные будете себе!”. Они, как это от меня услышали, так тотчас с радости затопали, забрыкали, крикнули: “Мы вольные! Мы вольные! Мы себе воли добыли! Гулять на воле! Наша взяла! Воля, воля!”. И побежали».

«Молодец Омелько, – сказал я ему, – честь великая и хвала тебе! Ты нас всех от беды избавил».

Мы сошли с голубятни. Я приказал собрать всех собак, провести через дом в сад и присоединить к тем, которые туда были отряжены заранее расправляться со свиньями. До сих пор дело их не могло идти вполне успешно, так как число высланных в сад собак было невелико до прибытия к ним на помощь тех, которые оставались во дворе. Когда собаки проведены были в сад, я вошел в дом и стал у окна, уставив в открытое окно заряженную винтовку. Я нацелился на кабана, который в цветнике трудился над кустом сирени, стараясь выдернуть его с корнем из земли. Пуля пробила хищника насквозь.

Свиньи, испуганные выстрелом, повалившим дерзновенного их воителя, напуганные отовсюду собаками, покинули цветник и побежали к тем своим товарищам, которые в конце сада расправлялись с огородными овощами. Собаки не давали им ни прохода, ни отдыха: одни вцеплялись свиньям в ноги, другие забегали вперед и хватали свиней за уши, и тащили под жалобные звуки свиного стелания. Вслед за собаками побежало двое слуг с ружьями, дали два выстрела, ранили двух свиней и тем придали собакам ярости и задора.

Вскоре сад был очищен от свиней, собаки гнались за ними по дороге, по которой побежали свиньи, поднявшие такую тучу пыли, как и тогда, когда в воинственном свином задоре бежали по той же дороге на приступ к саду.

Мы отправились на птичий двор. Там царствовал беспорядок в полном разгаре. Все летало, подлетывало, скакало, подскакивало, прыгало, металось, бегало и на всякие голоса выкрикивало: и гоготало, и шипело, и свистало, и охало, и кудахтало, и кукарекало. Меньшой мой сын выстрелил из пистолета. Птичье общество сперва как будто еще сильнее заволновалось от этого выстрела, но тотчас же, оторопев, утишилось на мгновение. Омелько воспользовался таким мгновением и крикнул:

«Зачем без толку орете? Скажите нам, чего хотите? Что вам нужно? Мы для вас все сделаем».

«Воли! Воли!», – закричала птица своими различными языками.

«Воли! Воли! – произнес Омелько, видимо, передразнивая птицу. – Ну, хорошо. Мы вам дадим волю. Гуси и утки! Вон ваша дикая вольная братия, как высоко летает! Летите и вы к ним. Мы вам позволяем. Мы вас не держим! У вас есть крылья: летите!».

«Да как нам лететь, коли сил на то нет! – прогоготали гуси. – Наши предки были такие же вольные, как вон и те, что теперь там высоко летают. А вы, тираны, взяли их в неволю, и от них пошли наши деды и родители, и мы все родились уже в неволе, и через эту самую неволю мы все не умеем уже летать, как летают те, что вольными остались».

«Не наша в том вина, – сказал Омелько. – Рассудите сами вашим гусяным и утиным умом. Разве мы вас в неволю с воли забирали? Разве мы с вами что-нибудь такое сделали, что вы летать высоко не можете? Вы у нас из яиц вылупились и с первых дней ваших до сего часа летать не умели, да и ваши отцы и деды, что у нас жили, тоже не летали так, как эти вольные дикие летают. Ваша порода стала в подчинении у человека уже давно, так давно, что

не только вы с вашей гусиной памятью, да и мы с нашей человеческой не можем сказать, как давно! Тех, что ваших предков взяли когда-то в неволю, нет давно на свете. Мы же, что теперь живем на свете, чем тут виноваты, что вы летать высоко не умеете? Мы вас отпускаем на волю! Летите! А коли не умеете, так нас в том не вините».

Гуси отвечали:

«Мы не в силах лететь и остаемся у вас. Только вы нас не режьте. Нам жить хочется».

Вслед за гусями в таком же смысле прокахкали и утки.

Омелько на это сказал:

«Вам жить хочется, – говорите вы. – Но ведь вам, я думаю, и есть хочется. Как же вы хотите, чтобы мы вас кормили, а от вас за то не получали себе никакой пользы. Нет, нет. Этак нельзя. Летите себе, коли не хочется, чтобы вас резали. Летите себе на волю. Не держим вас насильно. А коли хотите у нас оставаться и корм от нас получать, так и нам что-нибудь доставляйте. Мы вас кормим, за то вас и режем. И от вас хотим кормиться, за то что вам даем корм. Что за беда, если когда-нибудь повар вашего брата-гуся на жаркое зарежет! Не всех же вас разом порежет! Хуже было бы, когда бы вы пошли на волю, да на вас напал бы лютей зверь или злая птица. Всех бы вас разом истребили. А у нас когда – не когда случится, что повар двух – трех каких-нибудь гусей или уток зарежет. Зато вы все проживете у нас в добре и холе. Сами собой вы никогда на воле не проживете, как у нас. Попробуйте, полетите, проживите на воле!».

«Куда нам лететь, когда сил нет!», – повторили гуси. То же произнесли утки своим кахканьем.

«Так живите смирно и не бунтуйте!», – сказал внушительно Омелько и обратился к курам с такой речью: «А вы, куры-дуры! Тоже захотели воли! Летите и вы, скорей летите да поднимайтесь повыше, погуляйте по поднебесью, узнаете, как там проживется без нас, на полной воле. Да вы, дуры, сажня на два от земли не в силах подлететь: вас и хорьки, и кошки, и ласточки, и орлы заедят, и коршуны цыплят ваших расхватывают, и сороки, и вороны яиц вам высидеть не дадут! Дуры, вы, дуры набитые! Уж вы-то, паче всех других птиц на свете, без нашего брата-человека жить не можете. Смиритесь же, глупые, и покоритесь; такая, видно, наша с вами судьба, что нам надобно вас стеречь и кормить, а за то вас резать и яйца ваши брать».

Куры закудахтали самыми позорными звуками. Петухи весело закукарекали, а Омелько объяснил нам, что это они признают справедливость наших наставлений и обещают вперед совершенную покорность.

Вся птица, казалось, успокоилась и осталась в довольстве, только индейки, по своему обычаю, охали, жалуясь на свою горемычную, ничем непоправимую долю.

Омелько отправился к овцам и козам. Те овцы, которые успели перебраться через овраг, стояли, все еще сбившись в кучку, и не двигались далее, поглядывая глупо на свою братию, попадавшую в овраг. Бедные барахтались в глубине оврага и не знали, как из него выкарабкаться по его крутым стенкам;

хотя и была возможность выйти оттуда, проходя по прямой длинной рыгвинне, но у овец не хватало настолько смекалки. Козлы, стоявшие наперед, как только увидели идущего против них Омелька, затопали ногами и, выставляя перед ним свое козлиное достоинство, поднимали кверху свои бородастые головы и покручивали рогами, как будто хотели тем произнести: «Не подходи! Заколем!».

Но Омелько, нашедши длинную хворостину, хватил одного – другого по бокам и отогнал прочь, потом позвал пастухов и велел им вытягивать и выгонять из глубины оврага попадавших туда овец и всех их гнать в овчарню.

«Смотрите у меня! – кричал он вслед овцам. – Вздумаете бунтовать, будет вам беда! Велим зачинщиков на сало порезать! Вишь, дуры! Туда же и они: захотели воли! Да вас, глупые, сейчас бы всех волки поели, если бы мы, люди, отпустили вас от себя на волю! Благодарите нас за то, что мы такие милостивые, прощаем вас за вашу глупость!».

Овцы заблеяли голосом благодарности, какой требовал от них Омелько.

Стадо рогатого скота и конский табун, получивши через Омелька разрешение на полную свободу, сначала, побежавши в поле, предавались там неистовому восторгу, скакали, прыгали, бегали, мычали, фыркали, ржали и, в знак взаимного удовольствия, становились задними ногами на дыбы и обнимались передними.

Оканчивался уже август. Поля были сжаты и скошены. Хлеба были увезены и сложены в скирды. Оставалось немного десятин неснятых хлебов таких пород, которые позже всех убираются. Скоты напали на одну неснятую полосу гречихи и потоптали так, что не осталось ни одного целого стебелька. Отправились они далее искать себе еще какой-нибудь не убранной нивы, наткнулись еще на одну и там произвели то же. Но тут рушилось согласие между рогачами и копытниками, – согласие, недавно установившееся по поводу их взаимного домогательства свободы. Не знаю, собственно, за что у них возникло несогласие, но только рогачи стали бодать копытников, а копытники – лягать рогачей: и те, и другие разошлись в разные стороны. После того и в стаде и тех и других произошло внутреннее раздвоение.

Поводом к тому, вероятно, был спор самцов за самок, подобно тому, как и в нашем человеческом обществе спор за обладание прекрасным полом часто бывает источником нарушения согласия и дружбы и ведет к печальным событиям.

И рогатое стадо, и конский табун разбились на отдельные группы, которые, оторвавшись от целой громады, уходили подальше от прежних товарищей. Омелько превосходно изучил скотские нравы, заранее рассчитал на это свойство, когда отпускал скотов на волю: он потом стал следить за отпущенными. Он встретил бродившие отдельно толпы волов и лошадей и силой своего красноречия убедил тех и других воротиться в село.

Омелько прельстил их обещаниями дать им много сена, а лошадям еще и овса, другие, оторвавшись от громады, забрели на чужие поля, испортили чужие хлеба, стянули сенца из стога, стоявших на поле, и сами попались в неволю.

Омелько, узнавши о такой их судьбе, выкупал их у чужих хозяев, заплативши последним за убытки, нанесенные скотами, а выкупленных погнал в свое село.

Наконец, как предвидел Омелько, самые задорные и упрямые скоты бродили по полям до глубокой осени, когда уже на корню нигде не оставалось ничего и стал выпадать снег. В предшествовавшую осень, как вам, я думаю, известно, это произошло ранее, чем бывает. Скоты, видя, что уже им в полях не достает пропитания, отрезвились от оболещений суетною надеждой вольности и добровольно стали возвращаться в свои загоны. Тогда пришли с покорными головами и главные возмутители: бугай, взволновавший рогачей, и рыжий жеребец, поднявший к бунту копытников.

И того, и другого постигла жестокая кара: бугай, по приговору, составленному Омельком и подтвержденному²⁵ мною, был подвергнут смертной казни чрез убиение дубинами, а жеребец – потере производительных способностей и запряжке в хомут для возки тяжестей. Прочие, по справедливому и нелицеприятному дознанию, произведенному Омельком, понесли наказание, соразмерно степени их виновности.

Так окончился скотской бунт у нас, явление необыкновенное, своеобразное и, сколько нам известно, нигде и никогда неслыханное. С наступлением зимнего времени все успокоилось, но что дальше будет – покажет весна. Нельзя поручиться, чтоб в следующее лето или когда-нибудь в последующие годы не повторились виденные нами чудеса, хотя благоразумный и бдительный Омелько принимает самые деятельные меры, чтоб они более у нас не повторялись.

²⁵ Затвержденному.

In the satiric phantasmagoria by M.Kostomarov presented the ruthless criticism of nihilistic, authoritarian and anti-humanistic tendencies of Russian revolutionary movement of 1870. In the allegorical images of social "animals" author showed the inevitability extinction of those times revolutionary practices and also the governmental control that run counter to moral-ethical and humanistic principles of human life. M.Kostomarov's parable represents the moral and humanistic rethinking of the negative reception of the terroristic and authoritarian practices in the anti-nihilistic novels in 1860–1870s. Author as opposed to anti-nihilistic works formulates, advances and tries to answer the question of the most likely outcome of nearest social future after the revolution dream comes true. The story of phantasmagoria appears as a peculiar forerunner of the plot of the well-known dystopian novella "Animal Farm" by English writer George Orwell – the famous critic of the Soviet totalitarianism.

Keywords: Kostomarov, Orwell, nihilism, anti-nihilistic literature, Russian revolutionary movement in 1870, terrorist activities, humanistic tradition, totalitarianism, dystopia.

